

КВИН СЛОБОДЯН

ТЕХНО- ФАШИЗМ

ГЛОБАЛЬНЫЙ
ЗАГОВОР
ПРОТИВ
СВОБОДЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Квин Слободян

**Технофашизм. Глобальный
заговор против свободы**

«Алисторус»

2026

УДК 330.831.8:327.8
ББК 65.02std1-223

Слободян К.

Технофашизм. Глобальный заговор против свободы /
К. Слободян — «Алисторус», 2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-695-6

Принято считать, что глобализм и неолиберализм зародились на Западе, в Британии и США. Автор этой книги доказывает, что это ошибочное мнение. Реальные корни этих ужасающих учений лежат в Восточной Европе, в сочинениях полуобразованных «интеллектуалов» из Австро-Венгрии, в работах белоэмигрантов из Российской империи. Книга подробно прослеживает, как восточноевропейские националисты (хорватские усташи, фашисты из Румынии и т. п.), либеральные антикоммунисты, солидаристы из Народно-трудового союза (в который входил и А. Солженицын) – создали современный язык либертарианства и навязали его Западу, параллельно уничтожив англосаксонские традиции политической мысли. Перед вами захватывающее расследование, заставляющее по-новому взглянуть на привычные вещи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 330.831.8:327.8
ББК 65.02std1-223

ISBN 978-5-00269-695-6

© Слободян К., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие	7
Введение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Квин Слободян

Технофашизм

Глобальный заговор против свободы

© Слободян К., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Квин Слободян

Предисловие

Предлагаемая читателю книга представляет собой исследование одного из трёх основных источников современного неолиберализма. С самого начала я должен принести извинения за неизбежную неполноту этого труда, которая, впрочем, обусловлена не столько небрежностью автора, сколько самой природой предмета исследования. Неолиберализм, подобно фашизму 1920–1930-х годов, не имеет «чистой» родословной. Он не был рождён в лоне единой философской школы или стройной интеллектуальной традиции. Напротив, он возник как гибридное образование – результат смешения нескольких совершенно различных идеологических течений, которые пересеклись на территории США в критический период примерно между 1971 и 1975 годами.

Как и фашизм (который, разумеется, является омерзительной чумой XX века), неолиберализм не является философской системой в строгом смысле слова. Это – политическая практика, которая черпает свою легитимность из эклектичного набора идей, часто противоречащих друг другу, но объединённых общей целью: переустройством отношений между государством, рынком и обществом. Изучение его генезиса требует внимания к множеству интеллектуальных потоков, которые далеко не всегда были совместимы, но в определённый исторический момент оказались сплавлены в единый политический проект.

В данной книге подробно рассматривается лишь один из этих потоков – восточноевропейские либеральные школы. Этот выбор не случаен. Именно выходцы из Австро-Венгерской и Российской империй – интеллектуалы, сформированные опытом краха империй, межвоенного национализма и тоталитаризма, – привнесли в американский и западноевропейский дискурс специфическое понимание отношений между индивидом и государством, которое оказалось чрезвычайно востребованным в условиях Холодной войны. Речь идёт о:

1. Фрайбургской школе ордолиберализма (Вальтер Ойкен, Франц Бём, Александр Рюстов), которая настаивала на необходимости «сильного государства», способного создать и поддерживать правовые рамки для конкурентного рынка, но при этом воздерживающегося от прямого вмешательства в экономические процессы.

2. Обществе Мон Пелерин (Фридрих Хайек, Милтон Фридман, Людвиг фон Мизес, Карл Поппер и другие), которое стало главным координационным центром неолиберальной мысли после 1947 года, объединив интеллектуалов, разделявших критику плановой экономики и социалистического планирования, но расходившихся во многих других вопросах.

3. Более широком влиянии восточноевропейских интеллектуалов, включая не только экономистов и философов, но также националистических эмигрантов, попавших в США после 1945 года, и, в частности, представителей Народно-трудового союза (НТС) – русских солидаристов, которые принесли с собой опыт белой эмиграции и специфическое понимание «корпоративной» организации общества.

Именно эти восточноевропейские влияния, начиная с Айн Рэнд и продолжая Мизесом и Хайеком, привнесли в американский интеллектуальный ландшафт особенность, которая была ему прежде не свойственна. Классическая американская мысль, от Токвиля до поздних прогрессивистов, обычно рассматривала общество как сложную ткань, состоящую из множества промежуточных институтов: церковь, община, муниципалитет, штат, цех, гильдия, семья. Эти институты рассматривались как буфер между индивидом и государством, как пространства солидарности и самоорганизации, не сводимые ни к рыночному обмену, ни к государственному принуждению.

Восточноевропейский либерализм, напротив, был глубоко дуалистичен. Он рассматривал мир как вечное противостояние государства и индивида, где рынок понимался лишь как сеть взаимодействия индивидов, свободных от государственного вмешательства. Никаких про-

межуточных структур – ни церкви, ни общины, ни гильдии – этот либерализм не видел в качестве самостоятельных субъектов. Всё, что не было индивидом, рассматривалось как потенциальная угроза его свободе, включая и те социальные институты, которые в западной традиции считались оплотом свободы.

Эта дуалистическая оптика имела глубокие исторические корни. В Австро-Венгрии и Российской империи либералы сталкивались с государством, которое, как и казалось, подавляло рынок и индивидуальную инициативу во имя имперской целостности или национальной политики. Опыт тотальной мобилизации в годы Первой мировой войны, затем революции и гражданской войны укрепил в них убеждение, что любое государственное вмешательство в экономику ведёт к порабощению. Промежуточные структуры – те же гильдии или общины – в этом контексте часто воспринимались как агенты государства или как препятствие для свободной конкуренции. Отсюда – радикальный индивидуализм, который был чужд более прагматичной и институционально ориентированной американской мысли.

Анте Павелич – фашистский преступник и один из отцов неолиберализма

Особого внимания заслуживает влияние восточноевропейских правых – от усташей и членов НТС до Айн Рэнд и Мизеса. Они идеализировали вполне определённый социальный тип: «крепкого хозяина на своей земле», агрессивного предпринимателя или крестья-

нина-кулака, который своим трудом и инициативой создаёт богатство, противостоя как хищническому государству, так и «ленивым» массам. Этот образ был глубоко чужд англосаксонскому мировосприятию с его акцентом на общественный договор, местное самоуправление и баланс интересов. Однако именно этот образ активно насаждался в США в годы Холодной войны, и делалось это при поддержке Всемирной антикоммунистической лиги – организации, созданной при активном участии эмигрантов из Восточной Европы и бывших нацистских коллаборационистов, которые видели в советском блоке главную угрозу и стремились мобилизовать все силы Запада для борьбы с ним.

Роль этих псевдоинтеллектуалов в формировании неолиберального проекта не сводилась к простой передаче идей. Они привнесли в него специфический эмоциональный заряд – непримиримость к любому компромиссу с государством, подозрительность к социальным движениям и коллективным действиям, веру в то, что только жёсткая конкуренция может быть двигателем прогресса. Этот заряд нашёл своё выражение в воинствующем глобализме, который рассматривал национальные государства как препятствие на пути мирового рынка, и в концепции прав ксеноса, которые должны были защищать капитал от демократического давления.

Таким образом, книга, которую вы держите в руках, представляет собой историю одной из трёх главных линий, сформировавших современный неолиберализм. Две другие линии, которые остались за рамками этого исследования, – это, во-первых, американский прагматизм и институциональный подход, связанный с Чикагской школой права и экономики, и, во-вторых, католический корпоративизм и социальное учение, которые в 1970-е годы оказались переосмыслены в духе рыночного либерализма. Их синтез, осуществившийся в 1970-е годы в США, и привёл к возникновению того политического проекта, который сегодня называют неолиберализмом.

Я надеюсь, что эта книга, даже будучи неполной, поможет читателю понять сложность и многогранность генезиса современного неолиберализма, а также ту роль, которую сыграли в его становлении интеллектуалы, пережившие крах империй и тоталитарных режимов. Их опыт, страхи и идеализированные образы продолжают формировать нашу политическую реальность – и для того, чтобы понять её, мы должны обратиться к их истокам.

Однако восточноевропейское влияние – лишь одна из трёх линий, которые, сплетаясь на американской почве, породили неолиберализм как политическую практику. Две другие, столь же значимые и столь же мало изученные в существующей историографии, заслуживают хотя бы краткого упоминания, чтобы читатель мог осознать масштаб и сложность этого интеллектуально-политического синтеза.

Первая из них – центрально-американское влияние, и прежде всего гватемальское. Оно редко попадает в поле зрения историков экономической мысли, и тем не менее его роль трудно переоценить. Современная система лоббизма в Соединённых Штатах сложилась в 1920–1930-е годы, и одними из первых и наиболее богатых лоббистов были центрально-американские государства – Гватемала, Никарагуа, Гондурас, Куба, Колумбия. Среди них Гватемала выделялась особой сплочённостью своих элит, невиданной даже по меркам региона концентрацией земли в руках узкой группы помещиков и исключительным финансовым могуществом своего лобби. Обычно мы мыслим «банановые республики» как пассивные объекты американского империализма, но в действительности их влияние на США было столь же сильным, сколь и обратное воздействие.

Айн Рэнд

Решающий поворот произошёл в годы правления Хорхе Убико в Гватемале (1931–1944) и Франклина Рузвельта в США. Гватемальские элиты пришли к тревожному выводу: дальнейшая гуманизация американского общества – расширение социальных программ, укрепление профсоюзов, рост гражданских прав – неизбежно приведёт к тому, что Соединённые Штаты перестанут терпеть вопиющие социальные и расовые несправедливости, творившиеся в Центральной Америке. Чтобы предотвратить это, гватемальские олигархи начали уже в 1930-е годы систематически поддерживать правые, конспирологические и антикоммунистические группы в США, щедро финансируя их через подставные фонды и юридически чистые организации.

Апофеозом этой деятельности стало участие гватемальского капитала в создании Общества Джона Бёрча (1958) через его основателя Роберта Уэлча, а также учреждение Centro de Estudios Económico-Sociales (CEES) – первого в истории человечества либертарианского аналитического центра, который на десятилетия опередил американские организации такого рода. CEES и связанные с ним группы – Moral Majority, Liberty Caucus, а позднее Heritage Foundation – десятилетиями экспортировали в США крайне антисоциальную мыслительную рамку, которая стала неотъемлемой частью неолиберального катехизиса:

1. любая политика социальной справедливости объявлялась «коммунизмом»;
2. правительство США рассматривалось как инструмент «скрытых коммунистов» внутри страны;
3. бесплатная медицина и система здравоохранения представлялись как угроза свободе;
4. высшее образование – как рассадник левой пропаганды, подлежащий рыночной дисциплине.

Особенно важным было переопределение отношения к латифундии. В начале XX века большинство американцев – и фермеров, и городских жителей – воспринимали крупные земельные владения (латифундии) как пережиток феодализма, препятствующий развитию капитализма и мешающий простому человеку заработать своим трудом. Гватемальские лоббисты и их американские союзники навязали обществу совершенно иную рамку: латифундия стала главным воплощением свободного рынка, символом эффективного частного владения. Отсюда – прямой путь к идеям Ганса-Германа Хоппе, который столетие спустя провозгласил, что хозяин земли должен обладать всей полнотой власти на своей территории, включая право вершить суд, а демократия есть лишь форма тирании толпы над собственниками. Эти воззрения, маргинальные в 1950-е, к концу XX века стали влиятельным течением внутри американского либертарианского движения, и своими корнями они уходят именно в центрально-американский опыт защиты олигархического порядка от демократического давления.

Японское влияние на неолиберализм заслуживает более детального рассмотрения, поскольку оно выходило далеко за рамки простого академического обмена. Начиная с 1970-х годов японские элиты – прежде всего по инициативе семьи Сасакавы и Ёсио Кодамы, двух фигур, тесно связанных как с довоенными дзайбацу, так и с послевоенной политической системой, – предприняли целенаправленные усилия по экспорту в США японской модели модернизации. Важнейшим инструментом этой стратегии стал Nippon Foundation, созданный при участии Рёити Сасакавы и ставший каналом для распространения идей о том, что Япония представляет собой альтернативный, более эффективный путь развития капитализма.

Центральной идеей, продвигаемой японскими интеллектуалами и бизнес-кругами, была концепция «страны как корпорации». Её наиболее влиятельным проводником в США стал Эзра Фогель с его бестселлером «Япония как номер один» (1979), но за этой популярной книгой стояли десятилетия работы японских экономистов и политиков, которые в послевоенный период сознательно конструировали образ Японии как «рационального» и «дисциплинированного» общества. В этом образе фордизм объявлялся устаревшим: на смену идее крупных заводов с вертикальной интеграцией должен был прийти тойотизм – система, при которой основные производственные процессы передаются субподрядчикам за минимальную плату, а рабочая сила нанимается на гибкий график без социальных гарантий. Вместо повышения производительности через инвестиции в благосостояние работников предлагалась модель тотальной эксплуатации, опробованная японскими дзайбацу ещё до Второй мировой войны, но благополучно пережившая оккупацию и продолжавшая процветать в условиях «экономического чуда».

Роберт Уэлч-младший – создатель Общества Джона Бёрча

Особое место в экспорте японских идей занимала концепция «корпоративного государства». Япония демонстрировала, что государство может быть свободно от «грызни парламентских партий» и управляться как единая корпорация, а в свою очередь, любая корпорация имеет право быть «государством в миниатюре». Этот принцип находил своё воплощение во всех сферах – от медицины до разведки. Япония ещё до Второй мировой войны работала по модели, которую сегодня назвали бы неолиберальной: лечение было формально бесплатным, но клиники оставались частными и получали государственные дотации. Дзайбацу, в свою очередь, имели собственные разведывательные службы, что делало их не просто экономическими, но и политическими субъектами, способными действовать автономно от государства. В 1970-е годы в США существовал глубокий страх перед «японской угрозой» – опасение, что Япония скоро догонит и перегонит Америку. Этот страх, как ни парадоксально, сыграл на руку японским элитам: американские чиновники с готовностью копировали любые японские практики, видя в них рецепт сохранения конкурентоспособности.

Ключевой фигурой в этом процессе стал Тиакэ Нисияма – японский экономист, ученик Фридриха Хайека, учившийся в Чикагском университете и ставший одним из ведущих экономистов Японии. На родине его имя хорошо известно, однако в западной историографии он остаётся в тени своих американских и европейских коллег.

Между тем именно Нисияма сыграл решающую роль в интернационализации Общества Мон Пелерин (MPS) в 1970-е годы. В 1978 году он возглавил делегацию Токио на переговорах в Вашингтоне с представителями министерства финансов США и Федеральной резервной системы, представляя премьер-министра Такэо Фукуду. Контекст был драматическим: япон-

ское экономическое чудо происходило в условиях фиксированного курса йены, но после перехода к плавающим курсам в 1973 году йена начала стремительно укрепляться. К 1978 году она достигла исторических максимумов. Фукуда, поставивший на кон свою политическую репутацию, пообещал лидерам «Большой семёрки» обеспечить 7 % роста ВВП. Однако из-за взрывного укрепления йены японские чиновники весной 1978 года поняли, что экономика недополучит 1,5 % роста и цель будет провалена. Фукуде нужно было срочно стабилизировать валютный рынок, чтобы спасти внутренний рост. Поскольку главным торговым партнёром оставались США, и японцы опасались, что из-за дорогой йены американцы перестанут покупать их продукцию, Токио отправил в Вашингтон делегацию во главе с Нисиямой. И ему удалось договориться – результаты этих переговоров стали одним из важнейших эпизодов в истории международной валютной политики, который до сих пор недостаточно изучен.

Но не менее значимой была роль Нисиямы в самом Обществе Мон Пелерин. Будучи его президентом в 1970-е годы, он активно продвигал идею «интернационализации» организации – включения экономистов из развивающихся стран, в особенности из Латинской Америки. На генеральной ассамблее MPS в Гонконге в 1978 году чилийский бизнесмен и политик Педро Ибаньес Охеда предложил провести следующий съезд в Чили. Эта идея нашла поддержку у Нисиямы, но столкнулась с сопротивлением оргкомитета. Причин было несколько: проведение съездов подряд в удалённых от Европы и США точках было дорогостоящим, но главное – Мон Пелерин необходимо было беречь свой имидж. Короткие поездки Фридмана и Хайека в Чили уже дали отличные поводы для критики со всех сторон, а организация полноценного съезда, особенно с участием представителей чилийской власти, создала бы ещё больше проблем.

Именно Нисияма предложил компромисс. Он убедил чилийскую сторону ограничиться региональной встречей, указав на объективные трудности с проведением двух генеральных ассамблей подряд в удалённых точках планеты, и рекомендовал запланировать мероприятие на 1981 год в Винья-дель-Мар. Более того, он помог найти финансирование через японские компании, работавшие в Чили. Общая сумма составила 30 000 долларов из бюджета в 150 000 (все остальное покрыли чилийские частники, использование государственных средств было строгойше запрещено уставом Общества). Также был найден компромисс по участию чилийских официальных лиц: «чикагские мальчики» выступили на банкете открытия, но в самом съезде не участвовали – за исключением тех, кто работал исключительно в академии, например Рольфа Людерса. Это позволило сохранить видимость дистанции от режима Пиночета, одновременно укрепив связи между неолиберальными экономистами и авторитарными элитами Латинской Америки.

Хорхе Убико

Японское влияние на неолиберализм, таким образом, было многогранным. Оно включало не только экспорт конкретных экономических моделей (тойотизм, субподряд, гибкая занятость, корпоративное управление), но и создание институциональных каналов – через Nippon Foundation, через личные связи Нисиямы и других японских экономистов, через посредничество в организации встреч MPS и в продвижении неолиберальных идей в Восточной Азии и Латинской Америке. Более того, японский опыт показывал, что капитализм может быть эффективным без демократии в западном смысле, что государство может быть «корпоратизировано», а любая сфера общества – от медицины до разведки – передана в частные руки. Этот урок, усвоенный американскими неоконсерваторами и неолибералами в 1970-е годы, оказался чрезвычайно востребованным в последующие десятилетия.

Таким образом, восточноевропейский индивидуализм, центрально-американский антикоммунизм и японский корпоратизм сплелись в США в единый узел примерно в 1971–1975 годах. Каждая из этих линий привнесла в неолиберализм свои специфические черты: восточноевропейцы – радикальный дуализм «государство против индивида»; гватемальцы – непримиримость к социальной справедливости и конспирологическое мировоззрение; японцы – модель

тотальной эксплуатации и корпоративного государства. Их синтез стал возможен благодаря общему врагу – коммунистическому блоку, – а также благодаря общей вере в то, что любые коллективные действия, ограничивающие свободу капитала, являются формой тирании. Этот синтез, однако, никогда не был завершённым: внутренние противоречия между индивидуалистической и корпоративистской линиями продолжают определять динамику неолиберализма до сих пор.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена лишь восточноевропейскому истоку. Читатель не найдёт здесь детального анализа гватемальского лоббизма или японских корпоративных сетей. Но без этого общего контекста невозможно понять, почему неолиберализм, несмотря на его внутреннюю противоречивость, стал столь мощной политической силой в последней четверти XX века. Я надеюсь, что это предисловие, сколь бы схематичным оно ни было, поможет читателю осознать глубину и многослойность того явления, которое мы привыкли называть неолиберализмом, и побудит других исследователей обратиться к двум другим, не менее важным ветвям его родословной.

Введение

*Нация может породить собственных варваров-захватчиков.
– Вильгельм Рёнке, 1942*

Идеология свободного рынка завоевала мир. Таков был общий взгляд на рубеже тысячелетий, когда роль государств, как считалось, уменьшалась под напором сил глобализированной экономики. В 1995 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе – знаковом месте той эпохи – президент США Билл Клинтон заметил: «Рынки, работающие круглосуточно, способны реагировать с молниеносной скоростью, а порой и безжалостно». В 2003 году канцлер Герхард Шрёдер говорил о «бурях глобализации», объявляя о масштабной реформе системы социальной защиты в объединённой Германии. Социальная рыночная экономика, по его словам, должна модернизироваться, иначе она будет модернизирована «неконтролируемыми рыночными силами». Пассивный залог, похоже, стал нормой, когда речь заходит о политике, подчинённой мировой экономике. Никто не выражал эту мысль так откровенно, как председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен в 2007 году: «Не имеет большого значения, кто станет следующим президентом. Миром управляют рыночные силы». Для противников этот мир напоминал новую империю, где «глобализация пришла на смену колониализму». Для его сторонников – это мир, в котором товары и капиталы, хотя и не люди, циркулируют по логике спроса и предложения, создавая процветание – или, по крайней мере, возможности – для всех. Эта философия верховенства рыночных сил была названа её критиками «неолиберализмом». Нам говорят, что неолибералы выступают за всеобщее *laissez-faire*, саморегулирующиеся рынки и урезанное до минимума государство; для них вся человеческая мотивация сводится к одномерному рациональному интересу *Homo economicus*. Рыночный капитализм и демократия, по мнению неолиберальных глобалистов, идут рука об руку, а мечтают они о едином мировом рынке без границ.

Предлагаемый в этой книге рассказ противоречит этой истории. В нём показано, что те, кто первыми назвали себя неолибералами, не верили в саморегуляцию рынков как автономных сущностей. Для них демократия и капитализм не были синонимами. Они не считали, что людьми движет исключительно экономическая рациональность. Они не желали ни отмирания государства, ни исчезновения границ. И они не рассматривали мир исключительно через призму индивида. На самом деле, они разделяли с Джоном Мейнардом Кейнсом и Карлом Полянью фундаментальную идею о том, что рынок не является самодостаточным. «Мета-экономические или внешние по отношению к экономике условия, позволяющие защитить капитализм в мировом масштабе» – вот что, по их собственным словам, составляло ядро теории неолибералов в XX веке. В этой книге показано, что их проект был направлен на создание институтов не для освобождения рынков, а для их обрамления, или, точнее, «вкладывания в ножны», чтобы привить капитализму иммунитет против угрозы демократии, создав рамки, позволяющие обуздать часто иррациональное человеческое поведение, и переустроить послеимперский мир как пространство конкурирующих государств, где границы выполняют жизненно важную функцию.

Что следует понимать под «неолиберализмом»? Уже много лет некоторые утверждают, что это слово почти ничего не значит, поэтому можно усомниться в самой целесообразности его использования. «По сути, не существует неолиберальной теории», – недавно заявил, например, учёный Раджеш Венугопал. Тем не менее, в публикации Международного валютного фонда за 2016 год неолиберализм чётко идентифицируется как последовательная доктрина, которую авторы подвергают сомнению, критикуя программы приватизации, дерегуляции и либерализации, продвигаемые их же собственным учреждением. После выхода этого

текста журнал *Fortune* отметил: «Даже МВФ теперь признаёт, что неолиберализм потерпел неудачу». Эта публикация нашумела в 2016 году, но уже около двадцати лет звучали голоса, критикующие политику, ассоциируемую с неолиберализмом. В 1997 году Джозеф Стиглиц одним из первых ясно выразил свои сомнения после финансового кризиса в Азии. Будучи главным экономистом Всемирного банка в 1997–2000 годах и лауреатом «Нобелевской премии по экономике», он стал яростным критиком неолиберальной глобализации. В конце 1990-х другие называли открытый нерегулируемый мировой рынок «последней утопией» – мнение, которое отчасти разделяли международные финансовые институты, отказываясь от доктринальной оппозиции контролю над движением капитала, что и стало предметом статьи в *Fortune* в 2016 году. Всемирная торговая организация подверглась «косметическому ремонту» после протестов, сорвавших её встречу в Сиэтле в 1999 году, а её лидеры с тех пор заявляли о намерении придать глобализации человеческое лицо.

Хотя политику, называемую неолиберальной, критиковали уже давно, доклад МВФ 2016 года стал важной вехой, поскольку в нём признавался сам ярлык «неолиберализм». Термин стал общеизвестным и широко обсуждался на страницах *Financial Times*, *Guardian* и других газет. В том же году Институт Адама Смита, основанный в 1977 году и бывший одним из главных вдохновителей Маргарет Тэтчер, сам назвал себя «неолиберальным», отказавшись от прежнего ярлыка «либертарианский». В списке поставленных им целей значится защита «глобалистской перспективы». В 2017 году директор немецкого Института Вальтера Ойкена публично выступил в защиту так называемого «классического неолиберализма» и его принципа «сильного государства, стоящего над интересами лобби». Как для критиков, так и для сторонников, «движение, не смевшее называть себя по имени», похоже, наконец может быть названо. Эта эволюция прояснила ситуацию. Называние неолиберализма позволяет рассматривать его как один из корпусов идей и способов управления среди прочих – как форму регуляции, а не как её радикальную противоположность.

За последние десять лет проделана большая работа по историзации неолиберализма и его рекомендаций в области глобального управления, превратив то, что оставалось «зонтичным термином» или «антилиберальным лозунгом», в предмет документированного и строгого исследования. Рассказ, представленный в этой книге, устанавливает связь между двумя областями исследований, которые оставались странно разобщёнными: с одной стороны, история неолиберального движения с интеллектуальной точки зрения, с другой – анализ неолиберального глобализма с позиций социальных наук, а не истории.

Среди специалистов существует консенсус, что термин «неолиберализм» был впервые введён в Париже в 1938 году на Коллоквиуме Вальтера Липпмана для обозначения стремления собравшихся экономистов, социологов, журналистов и предпринимателей «обновить» либерализм. По мнению Митчелла Дина, один из лучших способов изучения неолиберализма – рассматривать его как «организованную группу индивидов, обменивающихся идеями в рамках общего интеллектуального поля». Общество Мон Пелерин – собрание интеллектуалов и политиков, созданное Фридрихом А. Хайеком и другими в 1947 году для регулярных дискуссий о международных делах и эволюции их общего дела, – было предметом множества исторических исследований. Хотя эти работы показывают, что группа всегда была расколота внутренними разногласиями, они обычно мало исследуют вопросы международного и глобального управления, за исключением областей денежно-кредитной политики и экономики развития. Несмотря на разногласия между различными неолиберальными мыслителями, анализ их писаний и действий показывает, что они сходились во взглядах на вопросы мирового порядка. Глобализируя ордолиберальный принцип «мышления в категориях порядков», они предложили набор рекомендаций для защиты мировой экономики от демократии, которая стала глобальной в XX веке, создав тем самым положение вещей и набор вызовов, которые их предшественники – классические либералы – никогда не могли вообразить.

В академическом мире именно специалисты в области социальных наук, а не историки, наиболее проникательно описали неолиберальную философию глобального порядка. За последние двадцать лет политологи и социологи провели глубокий анализ неолиберального проекта. Они выявили инициативы по защите рыночных субъектов от демократического давления в целом ряде институтов – от Вашингтона с МВФ и Всемирным банком до портовых властей в разных регионах мира, включая центральные банки, политические структуры вроде Европейского союза, а также торговые соглашения, такие как Североамериканское соглашение о свободной торговле и ВТО. Они также наблюдали за усилиями по расширению международного инвестиционного права, которое защищает иностранных инвесторов от различных форм экспроприации, и за созданием параллельной правовой системы на глобальном уровне, регулируемой так называемым транснациональным торговым правом. Они показали возникновение «офшорного мира» налоговых убежищ и подробно описали распространение свободных экономических зон, служащих убежищем для капитала, защищённым от рисков, связанных с прогрессивным налогообложением или политикой перераспределения. Используя метафору «ограждения рынков», они описали неолиберализм как проект, направленный конкретно на создание институтов, а не как расплывчатую «логику» или «рациональность». Если работы в области социальных наук по этому вопросу отличаются замечательной строгостью, то этого нельзя сказать о трудах по истории неолиберальной теории, которые часто отводят лишь второстепенные роли таким интеллектуалам, как Фридрих А. Хайек или Милтон Фридман. Идеи этих корифеев неолиберализма обычно представляются как вдохновившие или «подсказавшие» те или иные формы глобального и регионального управления, но вопросы об их реальном влиянии и о самом происхождении их мысли остаются. Имя Хайека, в частности, используется как символ с плавающими значениями, скорее чем отсылает к реальной исторической фигуре. Так, Европейский союз называют «хайекианской федерацией» одни, в то время как другие видят в желании выйти из ЕС способ «оживить мечту Хайека». Чего именно хотели такие мыслители, как Хайек, и где и когда зародились идеи неолиберального глобализма? Если мы хотим проследить нить неолиберальной глобалистской мысли от её истоков, конец империи является ключевым моментом – подлинной сменой эпох, когда деколонизация сыграла определяющую роль в возникновении неолиберальной модели глобального управления.

Обрамление, а не освобождение

Одним из препятствий на пути понимания неолибералов такими, какими они себя видели, стало чрезмерное использование идей, заимствованных у Карла Полаanyi – венгерского историка экономики, который «после Мишеля Фуко, вероятно, является самым популярным теоретиком в современном социальном знании». Ретроактивное влияние его книги «Великая трансформация», вышедшей в 1944 году, прослеживается во многих попытках охарактеризовать неолиберальную глобализацию. Адаптируя тезис Полаanyi, некоторые утверждают, что именно «рыночный фундаментализм» неолибералов побудил их стремиться к «дезэмбеддингу» «естественного» рынка из общества, чтобы воплотить свою утопическую мечту о «саморегулирующемся рынке». Хотя они часто напоминают, что Полаanyi писал о XIX веке, многие авторы тем не менее сделали шаг вперёд и увидели в нём предвосхищающего критика неолиберализма. Представление о том, что цель неолибералов – освободить рынки или предоставить их самим себе, относится к языку Полаanyi. Формулировка «без помех», кстати, нечасто встречающаяся, обычно прилагается к «рынкам» как к неолиберальной цели и предполагаемой реальности. Вопреки намерениям теоретиков неолиберализма, эта метафора эссенциализирует объект критики: она превращает рынок в вещь, которую могут освободить некие агенты, тогда как неолибералы определяют его как совокупность отношений, опирающихся на институциональные рамки.

Использование категорий Поланьи позволило выработать важные идеи, и эта книга опирается на эти работы, ведущиеся с начала тысячелетия, которые рассматривают неолиберальный проект как «одновременное отступление и расширение функций государства». Адаптируя Поланьи, некоторые исследователи говорят даже о «встроенном неолиберализме». Однако если мы хотим понять неолиберальную мысль в её собственных терминах – первый необходимый шаг для критики – мы должны избегать заблуждений, порожаемых понятием саморегулирующегося рынка, освобождённого от государства. Если проанализировать writings неолибералов, обеспокоенных мировым порядком, можно понять, что их современность Поланьи имеет значение. Как и он, они видели в Великой депрессии доказательство того, что капитализм в его старой форме не может функционировать, и взялись за теоретизирование более широких условий, необходимых для его выживания. По выражению исследователя Андреа Мигоне, Хайек и Поланьи оба были «озабочены социально-институциональными ответами на вопрос о свободном рынке». Фактически, Хайек разработал собственную концепцию «социально встроенных свободных рынков». Слишком сильная сосредоточенность на понятии рыночного фундаментализма рискованна тем, что не позволяет увидеть: в центре неолиберальных предложений находится не рынок как таковой, а перестройка государств, права и других институтов для его защиты. Правоведы ясно показали развитие юридикации международной торговли. Сосредоточение на Хайеке и его окружении позволяет поместить это явление в интеллектуальную историю неолиберальной мысли.

В статье, опубликованной в 2006 году в ведущем неолиберальном журнале *Ordo*, Ханс Вильгеродт напоминал, что основатели неолиберального движения «добавили слог „нео“» именно потому, что осознали необходимость «более чёткого и иного определения роли государства», уделяя особое внимание «правовым и институциональным рамкам». Далеко не питая утопической веры в функционирование рынка независимо от человеческого вмешательства, «неолибералы... уточнили внешние по отношению к экономике условия для свободной экономической системы». Это недостаточно признаётся: в центре внимания как немецкого ордолиберализма, так и австрийской школы находится не экономика как таковая, а институты, создающие пространство для неё. Когда Хайек ссылаясь на «саморегулирующиеся экономические силы» – как в своей вступительной лекции при вступлении в должность во Фрайбурге, – он сразу же переходил к обсуждению необходимости «рамки» для экономики. Основная часть его работы была посвящена вопросу о том, как сконструировать то, что он называл в своей книге, вышедшей после «Дороги к рабству», «конституцией свободы».

«Хайек ясно видел, что рынок – это социальный институт, встроенный в самое широкое разнообразие институтов, в которых он обретает смысл», – отмечает Оливер Кесслер. Сам Хайек оспаривал приписываемое ему мнение о необходимости «минимального государства». Хотя формула «сильное государство и свободный рынок» полезна для объяснения неолиберализма, способ определения этой силы не очевиден. Для Стефана Колева мало смысла мыслить государство в количественных, а не качественных терминах; было бы уместно заменить вопрос «сколько государства» на вопрос «какого типа государство». В последующих главах прослеживается во времени неолиберальная идея о том, что рынки не естественны, а скорее являются продуктом политического конструирования институтов, которые их обрамляют. Рынки укрепляют фундамент культурных ценностей, которые являются необходимым, но не достаточным условием их устойчивости.

Женевская школа, а не Чикагская

В 1983 году Эрнст-Ульрих Петерсманн, правовед, специалист по международным экономическим вопросам и бывший ученик Хайека, писал: «Общей отправной точкой неолиберальной экономической теории является идея о том, что в любой хорошо работающей рыноч-

ной экономике „невидимая рука“ конкуренции должна дополняться „видимой рукой“ права». Он перечислял известные неолиберальные школы мысли: Фрайбургскую школу – колыбель немецкого ордолиберализма с Вальтером Ойкеном и Францем Бёмом; Чикагскую школу, ассоциируемую с Милтоном Фридманом, Аароном Директором, Ричардом Познером и другими; и Кёльнскую школу Альфреда Мюллер-Армака. Затем он упоминал почти неизвестную: Женевскую школу.

Кто входил в эту Женевскую школу и что она представляла? В следующих главах рассматривается эта ветвь неолиберализма, которая в значительной степени игнорировалась историками. Я представляю группу мыслителей, не занимающих центрального места в англоязычной литературе, и пересматриваю вклад других, таких как Хайек, привлекавших больше внимания. Я возобновляю и расширяю этот ярлык «Женевской школы», чтобы обозначить направление неолиберальной мысли, берущее начало в семинарах Вены конца века и находящее своё завершение в залах ВТО в Женеве в конце тысячелетия. Вводя это обозначение, я отнюдь не намерен разжигать дебаты о том, что может охватывать эта школа, или исчерпывающе перечислять её состав. Скорее, моя цель – исправить путаницу, возникающую при объединении разнородных мыслителей под общим ярлыком «неолибералы». Направление прожектора на Женевскую школу позволяет высветить некоторые аспекты неолиберальной мысли, связанные с мировым порядком, которые оставались в тени. В том понимании, которое здесь используется, Женевская школа объединяет интеллектуалов, занимавших академические должности в швейцарском городе, включая Вильгельма Рёпке, Людвига фон Мизеса и Майкла Хайльперина; тех, кто проводил или представлял там ключевые исследования, в частности Фридриха Хайека, Лайонела Роббинса и Готфрида Хаберлера; и тех, кто работал в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ), таких как Ян Тумлир, Фридер Рёсслер и Эрнст-Ульрих Петерсманн. Хотя они разделяют близость с Фрайбургской школой, эти неолибералы Женевской школы характеризуются переносом ордолиберальной идеи «экономической конституции» – или всей совокупности правил, управляющих экономической жизнью, – в масштаб, выходящий за пределы нации.

В дебатах англоязычного мира специфический вклад этой школы в неолиберальную мысль часто отодвигается на второй план. Большинство историй неолиберального движения начинаются в континентальной Европе со встреч 1930-х и 1940-х годов, но затем обращаются к США и Великобритании, вплоть до неолиберального прорыва 1980-х годов при Рональде Рейгане и Маргарет Тэтчер. Этот поворот сопровождается фокусировкой на Чикагской школе и особенно на Фридмане. Хотя сейчас уделяется заслуженное внимание области права и экономики, а также теории общественного выбора Джеймса Бьюкенена и других представителей Вирджинской школы, работы по экспликации неолиберальной мысли были склонны креститься в англо-американскую сторону, недооценивая вклад тех, кто остался в континентальной Европе или, как Хайек, вернулся в Европу. Восполнить этот пробел необходимо, потому что именно европейские неолибералы уделяли наибольшее внимание вопросам международного порядка.

Мой рассказ представляет взгляд на неолиберальный глобализм из Центральной Европы, потому что именно неолибералы этого региона наиболее системно рассматривали мир в его целостности. Интеллектуалы Чикагской школы, как и Вирджинской, проявляли это типично американское качество – игнорировать остальной мир, одновременно предполагая, что Америка служит его образцом. Европейские неолибералы не могли позволить себе такой роскоши, поскольку они прожили значительную часть века под гегемонией Соединённых Штатов на разных уровнях. Поэтому неолибералы Центральной Европы закономерно оказались в числе первых, кто теоретизировал мировой порядок. Их страны не обладали внутренним рынком, столь же обширным, как американский, что вынуждало их быть внимательными к вопросу доступа на мировой рынок – будь то через торговлю или аннексию. Стремительный распад империи в

Центральной Европе после Первой мировой войны также заставил их рассматривать стратегии балансирования государственной власти и экономической взаимозависимости. Хотя история, представленная здесь, начинается в Вене, именно Женева – город на берегу озера, где впоследствии разместилась штаб-квартира ВТО, – стала духовной столицей группы мыслителей, стремившихся разгадать загадку пост-имперского порядка.

Для большинства историков вопрос мирового порядка был более или менее решён в начале XX века благодаря идее национального самоопределения, выдвинутой Лениным и Вильсоном и поддержанной антиколониальными силами по всему миру. Согласно этой точке зрения, принцип самоопределения, сначала сорванный в Версале отказом США и европейских империй соответствовать собственным декларациям, затем подорванный фашистским экспансионизмом Италии и Германии, а позже – контролем СССР над своими сателлитами, в конечном счёте восторжествовал с волной деколонизации после Второй мировой войны, а в недавнее время – с падением апартеида в Южной Африке и советского господства в Восточной Европе. Неолибералы Женевской школы не разделяли этот нарратив. В их глазах приверженность национальному суверенитету и автономии представляла опасность, если воспринимать её всерьёз. Они яростно критиковали национальный суверенитет, поскольку считали, что после исчезновения империй нации должны быть встроены в международный институциональный порядок, защищающий капитал и его свободное обращение по всему миру. Главным грехом XX века была вера в абсолютную национальную независимость; неолиберальный мировой порядок требовал изомии – или «единого закона», как назовёт это Хайек, – против иллюзии автономии, то есть «собственного закона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.